

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'36

ИДЕЯ О ШИФРУЮЩЕЙ РОЛИ ГРАММАТИКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ

© Анатолий Леонидович ШАРАНДИН

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, доктор филологических наук,
профессор, профессор кафедры русской филологии и журналистики,
e-mail: sharandin@list.ru

Пронализирована идея о шифрующей роли грамматики, представленная в работах профессора В.Г. Руделёва и получившая развитие в теории лексической грамматики А.Л. Шарандина. Актуальность и значимость данной идеи определяется ее связью с центральной проблемой языкознания – проблемой взаимодействия лексики и грамматики: грамматика рассматривается как шифр выражаемой лексической семантики. Применяемый В.Г. Руделёвым оппозитивный метод в духе фонологических идей Н.С. Трубецкого позволил систематизировать части речи в русском языке с учетом их информационной значимости и тем самым осмыслить систему частей речи как динамическую. В теории лексической грамматики взаимодействие лексики и грамматики представлено как развитие выдвинутой В.Г. Руделёвым идеи о шифрующей роли грамматики в плане ее реализации за пределами грамматики. Выдвигая гипотезу о том, что грамматика шифрует лексическую семантику, автор доказывает, что наличие слова можно рассматривать как своего рода семантический шифр, посредством которого выявляется сущность концептуализации и категоризации действительности человеком, что идея о шифрующей роли грамматики не ограничивается только взаимодействием лексики и грамматики, хотя, вероятно, наиболее ярко и полно представлена именно в этой области языкознания в связи с системным и обязательным характером грамматики как концептуальной структуры слова.

Ключевые слова: лексика; грамматика; взаимодействие; части речи; формы слова.

Стоит ученым сделать открытие,
как дьявол его крадет,
в то время как ангелы дискутируют
о лучших способах его использования.
Ален Валентайн

Идея о шифрующей роли грамматики в концептуальном виде была сформулирована профессором В.Г. Руделёвым в тезисах доклада «Типы и виды грамматик. Существуют ли грамматики, не являющиеся семантическим шифром?», прочитанного на научной конференции «Семасиология и грамматика», которая проходила в 1977 г. в Тамбове. Он пишет: «Нам представляется наиболее целесообразным такое решение вопроса о роли грамматики, при котором грамматика рассматривается как способ выражения семантики, как своего рода семантический шифр (здесь могут быть и фигуральные выражения, вроде «грамматика – служанка семантики» и подобные). Выдвигается, таким образом, ги-

потеза о том, что грамматика шифрует лексическую семантику» [1, с. 11-12]. Безусловным примером шифровки лексической семантики с помощью языковых средств, имеющих семантику, по его мнению, является грамматическая категория, которой соответствует определенный коррелят в области лексической семантики. Так, семантическим коррелятом грамматической категории падежа применительно к русскому языку оказывается признак предметности: все падежные слова русского языка, считает В.Г. Руделёв, так или иначе включают в свои определения понятие «предметность», обозначая непосредственно предметы или признаки тех же предметов, а не действий и т. п. [1, с. 12-13].

Свое развитие идея о шифрующей роли грамматики получила в работе «Существительное в русском языке» [2]. Обращение к теории частей речи русского языка было закономерным, поскольку, по мнению В.Г. Ру-

делёва, «в традиционной теории частей речи гипотеза о шифрующей роли грамматики была высказана вяло, неактивно; разумеется, она не получила достаточного развития», хотя «на ней построена традиционная теория частей речи» [1, с. 12]. Важным моментом в осмыслении природы частей речи и их определении как семантико-грамматических классов слов для В.Г. Руделёва является то, что в этом определении говорится не вообще о семантике, а только о лексической семантике, которая в языках типа русского шифруется грамматикой [2, с. 15]. При этом следует особо обратить внимание на дополнение В.Г. Руделёва к данному рассуждению: «Здесь мы оставляем открытым вопрос о характере грамматической семантики» [2, с. 15].

В своем более или менее окончательном варианте теория частей речи получила оформление в программной статье В.Г. Руделёва «Динамическая теория частей речи русского языка» [3].

В аспекте шифрующей роли грамматики были рассмотрены В.Г. Руделёвым и отдельные грамматические категории. Особый интерес с этой точки зрения вызывали, конечно, глагольные грамматические категории, и прежде всего категории вида, залога, императивности и времени, которые определяют лексическую природу той или иной глагольной лексемы [4; 5]. Так, рассмотрение шифрующей роли категории вида позволяет прийти к выводу о том, что эта категория шифрует наличие в русском языке двух классов глагольных слов: 1) класс слов, обозначающих вход в то или иное состояние, т. е. с значением интродуктивности (типа *садиться* / *сесть*), и 2) класс слов, обозначающих выход из того или иного состояния, т. е. имеющих значение ликвидаторности (типа *вставать* / *встать*). В качестве же лексемы, не имеющей, по существу, видовой семантики, объявляется та, которая лишена видовой пары (типа *сидеть*) [4]. Таким образом, в данном рассуждении выявляется нетрадиционная позиция В.Г. Руделёва: если отсутствует противопоставление, оппозиция, то мы имеем дело не с отсутствием той или иной формы категории, а с отсутствием категории как таковой. Так, например, рассматривая с этих позиций категорию времени, он пишет: «Следует помнить, что система глагольных форм времени – это сумма временных оппо-

зиций, в которых каждый оппозиит значит что-либо тогда и только тогда, когда ему противопоставлен иной оппозиит. В случае отсутствия такого оппозиита меняется значение и того оппозиита, который остается. Можно ли в таком случае говорить о т. н. «настоящем неактуальном» времени, если в позиции, где встречается таковое, не бывает иных форм времени (Ср. «*Девушки часто плачут беспричинно*» – М. Горький)? Совершенно ясно, что в данном случае вообще нельзя говорить о времени. Нет в приведенном примере у глагола «*плакать*» «неактуального настоящего» или «настоящего абстрактного» времени: сходство форм еще не означает тождества, и то, что здесь недопустимо прошедшее и будущее время, говорит о том, что нет и настоящего. Про глагол «*плакать*» в приведенном примере некорректно говорить о времени, как нельзя говорить в случае архифонемы [д:т] в слове [код/т] о звонкости или глухости конечного согласного» [5, с. 21-22].

В этом плане отметим следующее. В первых, когда мы говорим о нейтрализациях в фонологии, то имеем в виду определенный аспект анализа фонологической системы, представленный моделью анализа, которая наиболее полно реализована в рамках Пражской фонологической школы (в духе основных положений теории оппозиций и нейтрализаций Н.С. Трубецкого). Эта модель отражает речевой аспект, что позволяет увидеть и осмыслить динамические процессы в фонологической системе. Но наряду с моделью анализа в языке представлены модели синтеза и коррекции. И в них мы имеем решение, согласно которым квалификация [д] и [т] в слове *код* будет иметь вполне конкретное восприятие: [т] с точки зрения синтеза и [д] с точки зрения коррекции. В языке нет в системе фонем трех единиц (фонем *т*, *д* и архифонемы *д/т*). Во-вторых, слово, принадлежащее к глагольному классу, для которого характерно наличие видовой семантики (какой? – другой вопрос), не может не иметь ее, ибо в противном случае оно оказывается не структурированным как глагол. Другими словами, если слово (лексема) относится к глагольному, то имеет видовую семантику, а как она выражена – это уже другой вопрос.

Значимым для оценки позиции В.Г. Руделёва является, на наш взгляд, следующее

его высказывание: «Не семантика временных форм, а семантика глагольных лексем, теряющих в определенных условиях (позициях) часть своей грамматики, шифрующей избыточную семантику, должна интересовать исследователя. Что же касается грамматической семантики, то она сама по себе не играет какой-либо роли в языке, грамматическая семантика – только шифр лексической семантики» [5, с. 22].

Естественно, комментировать правомерность и обоснованность данного подхода автору настоящей статьи достаточно сложно, поскольку он является соавтором указанной выше статьи. Но поскольку впоследствии, отчасти развивая идею В.Г. Руделёва о шифрующей роли грамматики в теории лексической грамматики, в наших работах представлена несколько иная позиция, то позволим себе отметить ту мотивацию, которой мы руководствуемся при ее выборе.

Рассматривая шифрующую роль грамматики, важно ответить на вопрос о том, вследствие чего данная роль оказывается такой значимой? *Почему грамматика является важнейшим средством выражения лексической семантики* (а именно о ней идет речь в трудах В.Г. Руделёва)?

Грамматика – это то, что определяет концептуальную структуру лексической единицы. На наш взгляд, человек делает достоянием своей памяти и сознания не только конкретные выражения (высказывания), но и результаты абстрагирующей функции языка – формы. Если человек знает, что это форма 1-го лица единственного числа настоящего времени, то эта форма является значимой для него, поскольку она объективирует ряд типичных конкретных высказываний, описывающих ситуацию действия говорящего в данный момент речи как реальный факт. Он овладевает знанием лексического значения слова, но не затрачивает при этом усилий на реализацию формы данного слова в определенном контексте. Поэтому и важно определиться в разграничении понятий «слово» и «форма слова», поскольку их функции принципиально различны: «слово» как языковой знак объективирует окружающий нас мир, а «форма слова» как языковая единица – отношения между различными сторонами этого мира. Это не означает, что формы слов не объективируют действительности. Они объ-

ективируют, но их объективация вторичная, результат преломления в сознании человека той первичной объективации, которая осуществлена знаковым (лексическим) способом. Поэтому важно, после выявления первичной объективации, установить механизм и формы реализации вторичной объективации, той категоризации, которая функциональна в узком смысле слова, поскольку сориентирована на высказывание, на функционирование языкового знака (слова) в высказывании, в тексте.

С точки зрения специальных знаний, в данном случае лингвистических, **слово** – это *грамматически оформленный знак* коммуникативной системы человека, аккумулирующий отражение предметно-понятийной стороны действительности путем ее называния или указания на нее и предназначенный для передачи конкретной информации на правах самостоятельного элемента (члена) высказывания [6]. В этом определении есть специальная информация, в частности, о грамматике как средстве оформления языкового знака и тем самым отличающем его от понятия знака вообще, т. е. от философских знаний о слове.

Постулат о языковом знаке признается одним из основополагающих постулатов лингвистической теории, поскольку понятие знака включается в определение языка, который в этих случаях определяется как знаковая коммуникативная система. И тогда когнитивная сущность языка предстает не только как средство общения, средство передачи информации о действительности, но и как средство накопления и хранения аккумулированной информации в языковых знаках, которые используются на правах членов коммуникативных единиц, что определяет расчлененный (членимый) характер этих единиц. В речи они представлены высказываниями, заполненными словами. Именно этот тип речи обуславливает специфику человеческого общения и его принципиальное отличие от коммуникации, прежде всего, животных, пользующихся нерасчлененными коммуникативными сигналами, т. е. «язык» животных по своей сущности хотя и коммуникативен, но при этом имеет незнаковый характер. Человек также использует такого рода нечленимые высказывания (ср.: междометные высказывания, утверждение и отри-

цание типа «Да», «Нет», формулы речевого этикета типа «Привет!»). Однако они оказываются неосновным способом передачи информации в человеческом обществе. Поэтому *наличие слова* можно рассматривать как своего рода *семантический шифр*, посредством которого выявляется сущность *концептуализации и категоризации действительности человеком*.

Сравнение слова как языкового знака и знака вообще позволяет выявить в слове собственно знаковую семантику и семантику собственно языковую [7; 8]. *Знаковое содержание* – это предметно-понятийное содержание (или дейктическое) содержание, оформленное в соответствии с особенностями субстанции той или иной семантической системы (ср. язык и флажковая сигнальная система).

Семантическая же формула языкового знака оказывается более сложной по сравнению со знаком искусственных систем, поскольку знаковое содержание обнаруживает не только звуковую или графическую форму его оформления, но и специфическую, собственно языковую, – грамматическую. В языковом знаке денотативно-сигнификативная семантика является грамматически оформленной. По мнению В.В. Виноградова, «в языках такого строя, как русский, нет лексических значений, которые не были бы грамматически оформлены и классифицированы. Понятие бесформенного слова к современному русскому языку неприменимо» [9, с. 18].

Грамматическое оформление свидетельствует прежде всего о том, что мы имеем дело с семантической сущностью слова. При этом грамматика может варьироваться, оформляя то или иное концептуальное содержание слова. Это грамматическое варьирование обусловлено включением слова как языкового знака, как единицы номинации, соотношенной с тем или иным явлением действительности, в коммуникацию, где данная единица номинации вступает в определенные отношения с другими языковыми знаками, вследствие чего и происходят грамматические видоизменения.

Именно включение в коммуникацию, представленную уже речемыслительными единицами (разного типа высказываний), в которых слово как номинативное обозначение предметов и явлений действительности

получает сигнификативное значение, позволяет слову в качестве номинативного знака реализовать свои функциональные возможности, изменить статус знака вообще (семиотический статус) на статус языкового знака как единицы общения. И это изменение статуса слова сопровождается соотносительностью языковой формы и значения, т. е. слово становится единицей языка как коммуникативной знаковой системы. С этой точки зрения примечательна позиция В.В. Виноградова, который писал: «Слова, взятые вне системы языка в целом, лишь в их отношении к вещам и явлениям действительности служат различными знаками, названиями этих явлений действительности, отраженных в общественном сознании. Рассматриваемые только под этим углом зрения слова, в сущности, еще лишены соотносительности языковых форм и значений. Они сближаются друг с другом фонетически, но не связаны ни грамматически, ни семантически» [9, с. 16].

В результате перед нами самая настоящая антиномия, определяющая, с одной стороны, что лексические обозначения (названия) не есть собственно языковые значения, поскольку представляют собой аналоговую репрезентацию действительности, когда сознание человека направлено на фонетическое (звуковое) оформление названий (ср.: «На «духе» с самого начала лежит проклятие – быть «отягощенным» материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоев воздуха, звуков – словом, в виде языка». – Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология). А с другой стороны, лексические обозначения (названия) являются языковыми номинациями предметов и явлений действительности, представляя собой концептуальное содержание, неразрывно связанное с грамматическим оформлением (концептуальной структурой) языкового знака, которое они получают в коммуникации, где сознание человека направлено на использование слова для передачи сообщения в рамках такой речевой (дискурсивной) единицы, как высказывание, имеющей предикативную структуру, что приводит, в итоге, к его оформлению как когнитивно-дискурсивной единицы языка.

Таким образом, лексическая единица оказывается единством сознания (когниции), номинации (обозначения) и речевой деятель-

ности (коммуникации). Причем когнция, представленная теми или иными ментальными структурами, в отношении к номинации использует фонетические (звуковые) механизмы оформления мыслительного содержания, тогда как в отношении к речевой деятельности реализует дискурсивные (морфолого-синтаксические) способы оформления мыслительного содержания. В первом случае мыслительное содержание не есть еще собственно языковое значение слова, оно в большей степени логическое, аналоговое, а во втором – мыслительное содержание может рассматриваться как собственно языковое значение, как собственно лексическое значение, обусловленное включением в коммуникативный процесс. Но при этом важно отметить, что включение слова в состав высказывания на правах того или иного его члена не делает слово коммуникативной единицей. Оно остается номинативной единицей, а не единицей сообщения. Однако его участие в сообщении позволяет отразить динамический характер человеческого сознания, которое в этом случае способно представить объективную действительность в виде взаимосвязанных и взаимодействующих денотатов тех или иных предметов и явлений действительности, что, в конечном счете, позволяет успешно решать те или иные коммуникативные задачи, добиваться определенных коммуникативных целей и выполнять языку, в принципе, присущие ему функции, как основные (номинативную, коммуникативную и когнитивную), так и дополнительные (экспрессивную, эмотивную, стилистическую, прагматическую, фатическую и т. д.).

Поэтому исполнение грамматикой шифрующей роли оказывается в ряду других важных функций грамматики, которые обеспечивают прежде всего успешную реализацию коммуникативного процесса, позволяя адресату и адресанту в процессе передачи информации понимать друг друга. При этом утрата грамматикой некоторой избыточной информации не препятствует взаимопониманию, поскольку актуализируются другие средства, в частности контекстуальные. Так, например, отсутствие временных форм у императива компенсируется синтаксическим временем, позволяющим воспринимать волеизъявление в момент речи (*Девушки! Не*

плачьте без причины!), если иметь в виду характер ситуации, отражаемой в языке конструкциями с предикатом в императивной форме: она непосредственно сопряжена с ситуацией речи «я – ты – здесь».

В теории лексической грамматики определение *грамматической семантики* занимает в *методологическом аспекте* важное место. Как известно, лексика и грамматика, будучи относительно самостоятельными подсистемами в языке как знаковой коммуникативной системы, достаточно часто рассматриваются изолированно друг от друга, поскольку каждая из этих подсистем обладает своими элементами (лексема и словоформа), имеет свою структуру и выполняет определенные функции, что позволяет и лексике, и грамматике по своим каналам аккумулировать и выражать различные типы информации, связанные, в одном случае, с отражением предметно-понятийной или дейктической стороны действительности, а в другом – с отражением языковых знаний, которые, правда, отражают не столько сами предметы и явления действительности, сколько отношения между ними. Но при этом их связь с действительностью полностью не порывается. Именно это и обеспечивает грамматике способность участвовать в передаче внеязыковой действительности. Поэтому и лексика, и грамматика оказываются семантически значимыми, содержательными подсистемами языка, хотя семантическая информация у них оказывается различной. В лексеме она представляет знаковое (лексическое) содержание, а в словоформе – формальное (грамматическое) содержание. В связи с этим принято разграничивать и противопоставлять лексическое значение и грамматическое значение, что по существу представлено в традиционной (структурно-семантической) грамматике.

В работах В.Г. Руделёва данное противопоставление также представлено, но оно исключено по отношению к частеречным значениям. В статье «Заметки о грамматическом значении слова (на материале русского языка)», написанной в соавторстве с О.А. Цыпиным, он отмечает: «Понятие *«грамматическое значение»*, несомненно, продуктивно; просто его надо перенести на отношение слова и формы, и там оно будет на месте» [10, с. 161]. Поэтому, по его мнению, «грамматическое значение слова – это

совокупности значений его грамматических форм и причастность / не причастность данного слова к тем или иным грамматическим категориям» [10, с. 163].

Действительно, по отношению к определению характера частеречной семантики существуют различные подходы. С одной стороны, такой семантикой может быть признана грамматическая семантика, интегрирующий характер которой обусловлен сущностью самой грамматики, грамматической природы слова. С другой стороны, и лексическая семантика может иметь разные степени абстракции, о чем свидетельствуют такие объединения слов, как лексико-грамматические разряды, лексико-семантические группы. Если сравнить лексическое значение слов «*перемещаться*, *передвигаться*» с лексической семантикой слов «*бегать*, *бродить*, *ездить*, *идти*, *летать*», то лексическое значение первых оказывается более абстрактным, поскольку вторые включают в себя значение перемещения, передвижения и имеют дополнительный семантический признак, конкретизирующий характер и способ перемещения в пространстве. Это позволяет объединить их в одну лексико-семантическую группу глаголов перемещения. Более того, если сравнить толкование лексического значения, например, глагола *соответствовать* и толкование грамматического значения 1-го лица глагола, то более конкретным для носителей русского языка, вероятно, окажется обозначение последнего. Ср.: *1-е лицо* – «действие совершает говорящий (человек)» и лексическое толкование глагольной лексемы *соответствовать* в словаре С.И. Ожегова – «находиться в соответствии (? – *А. III.*) с кем-чем-нибудь».

Таким образом, мнение, что лексическое значение (ЛЗ) более конкретно, чем грамматическое значение (ГЗ), формализуется достаточно неоднозначно. Поэтому в современной научной литературе наблюдается, по существу, отказ от критерия «мера абстрактности» в разграничении ЛЗ и ГЗ, а точнее, произошло его переключение в критерий связи ЛЗ и ГЗ с внеязыковой действительностью. Считается, что ЛЗ соотносится с понятием, а также с предметами, признаками и явлениями, которые в определенном смысле демонстрируют «конкретные кусочки действительности» (М.В. Никитин). Что же каса-

ется ГЗ, то оно «воспроизводит отношения объективного мира» (А.А. Шахматов). Итак, и ЛЗ и ГЗ связаны с внеязыковой действительностью, отражают ее, но по-разному. Грамматическая категоризация сориентирована на речь, а лексическая категоризация на язык, на словарь, где связь ЛЗ с внеязыковой действительностью находит отражение в понятии, которое представляет в словарном толковании существенные признаки, свойства предметов и явлений действительности. ЛЗ – это показатель лексемы как единицы словаря, которая определяется как совокупность форм и соответствующих значений, т. е. это некая языковая модель номинации, которая в речи реализуется в форме грамматических образований, имеющих конкретные грамматические значения.

Таким образом, связь ЛЗ и ГЗ с внеязыковой действительностью можно рассматривать как факт, их объединяющий, а не различающий, хотя способ и характер ее отражения у них специфичный.

В ответе на вопрос о том, в каком соотношении находятся лексическая и грамматическая семантика на самом высшем уровне членения словарного состава, мы находим в учении о частях речи разные мнения и выводы. Так, значение предметности как частеречное значение существительного Л.В. Щерба и В.В. Виноградов называли грамматическим значением. По мнению В.В. Лопатина, «части речи – это самые крупные грамматические классы слов, характеризующиеся... обобщенным грамматическим значением, абстрагированным от лексических значений слов и от категориальных морфологических значений...» [11, с. 382].

Прямо противоположное мнение связано с определением частеречных значений как наиболее абстрактных лексических значений. Ср.: «Значение предметности, действия, признака, лица и другие не только выступает в роли систематизаторов словарного состава языка, но и является своеобразной доминантой общего лексического значения всех слов, составляющих определенную часть речи» [12, с. 53].

В отличие от сторонников этих противоположных мнений, Н.С. Поспелов считал, что частеречное значение одновременно является и лексическим и грамматическим. Он писал: «Так как слово имеет и лексическую и

грамматическую сторону, оно необходимо оформляется как та или иная часть речи, т. е. входит в один из лексико-грамматических разрядов слов того или другого языка» [13, с. 14]. Особенно показательным в споре о характере значения частей речи является высказывание А.Н. Савченко: «Многие характеризуют предметность, выражаемую существительным, как грамматическую, но никто не объяснил удовлетворительно, в чем состоит грамматическая предметность, и чем отличается она от лексической или логической» [14].

Вопрос о характере значений частей речи, думается, должен быть решен в пользу точки зрения, согласно которой значение той или иной части речи носит *абстрагированный лексический характер*, но при этом частеречная лексическая семантика *оформлена грамматически*. Именно при таком решении будет соблюдаться положение о том, что «грамматические значения носят в семантической структуре слова обязательный сопутствующий характер по отношению к лексическому значению» [15, с. 13]. В противном же случае возникает вопрос: если значение частей речи имеет только грамматическое значение, то какому лексическому значению оно сопутствует?

На наш взгляд, на самом высоком уровне членения словарного состава мы не порываем с лексической семантикой слов, входящих в ту или иную часть речи. Лексическое абстрагирование от конкретных лексических значений не переводит их в статус грамматических значений, а просто достигает высшей степени абстрактности. Другими словами, абстрактная лексическая семантика части речи представляет собой высшую степень лексического абстрагирования от конкретных лексических значений слов, а также различного рода объединений слов, предшествующих объединению в часть речи (лексико-семантические группы, лексико-грамматические разряды).

Естественно, возникает необходимость выявить грамматические средства, оформляющие эту абстрактную лексическую семантику. Таким средством (способом) являются грамматические категории, грамматическое значение которых оказывается совместимым или несовместимым с абстрактной лексической семантикой той или иной

части речи. Как на уровне отдельных слов мы наблюдаем взаимодействие лексического и грамматического значений, так и на уровне частей речи принцип этого взаимодействия не нарушается. Только наблюдается специфика в оформлении абстрактной частеречной семантики: в этом участвуют грамматические категории в целом, безотносительно к составу их парадигм, по принципу наличия или отсутствия грамматической категории как таковой. Почему глагольная частеречная семантика не оформляется категорией падежа? Потому что категория падежа демонстрирует различные виды отношений предметов к другим предметам или явлениям, действиям и т. д. Категориальное (грамматическое) значение падежа включает понятие предмета, находящегося в различных отношениях с действительностью. Поэтому значение падежных форм оказывается несовместимым со значением процесса, присущим глагольным формам в предикативной позиции, но совместимым с частеречной семантикой имени существительного, включающей понятие предмета в том или ином осмыслении.

Таким образом, теория шифрующей грамматики не исключает выделения двух типов семантик, представленных в структуре слова, но определяет их строгое разграничение. На это нацелена и *теория лексической грамматики*, но при этом она в большей степени развивает положение о лексическом и грамматическом компонентах слова в качестве его *взаимодействующих* компонентов. В этом взаимодействии грамматика с ее элементами (формами слова, грамматическими категориями) выполняет лексическую функцию, выступая в качестве средства оформления лексических значений и выражения абстрактной лексической семантики. С этой точки зрения не следует смешивать лексическую грамматику с грамматической лексикой, которая изучает лексические средства, выполняющие грамматическую функцию (например, связку *быть* и другие типы связок).

Механизм взаимодействия лексической и грамматической семантики определяется принципом их совместимости. Если грамматическое значение формы слова не противоречит его лексической семантике, то такая форма включается в план выражения (парадигму) слова; если же противоречит, то тогда

данная форма с соответствующим грамматическим значением исключается из плана выражения (парадигмы) слова (лексемы).

Понятие дефектности парадигмы как показатель взаимодействия лексической и грамматической семантики и как способ выявления и описания лексико-грамматических разрядов (ЛГР) является одним из центральных понятий в ЛГ. При этом необходимо отметить, что речь идет о дефектности парадигмы, связанной с семантическими причинами и которую принято называть «закономерной» (П.А. Соболева).

Методологической базой в решении вопроса о применении ГК и ее форм в качестве формального средства выявления и описания абстрактной (классовой) лексической семантики оказывается диалектика, которая определяет *характер отношений между формой и содержанием в языке как относительный*. В философии отношения между ними характеризуются взаимосвязью, в которой «содержание, будучи определяющей стороной целого, представляет единство всех составных элементов языка, его свойств, внутренних процессов, связей, противоречий и тенденций, а форма есть способ существования и выражения содержания» [16, с. 621]. Относительный же характер отношений между ними определяется тем, что содержание и форма связаны с разными сторонами объекта: содержание представляет собой его подвижную, динамичную сторону, а форма охватывает систему устойчивых связей предмета. Естественно, в ходе развития содержания может возникнуть несоответствие нового содержания и старой формы, которое разрешается «сбрасыванием» старой и возникновением новой формы, адекватной развившемуся содержанию.

В языке факт относительности понятий формы и содержания приобретает особую значимость, поскольку содержание может приобретать статус формы. Как отмечал С.Д. Кацнельсон, «то, что на одном уровне выступает как содержание, то на другом, более высоком уровне проявляется как форма нового содержания. Относительность понятия грамматической формы и грамматического содержания сказывается в том, что формальным в языке может быть не только звуковое выражение, но и содержание» [17, с. 26-27]. Парадокс, который возникает в

этом случае – семантика выражается через семантику, – объясняется тем, что речь идет о разных семантических уровнях. Лексическая семантика в ее конкретном проявлении присуща лексемам и в ее абстрагированном проявлении – различного рода объединениям лексем (ЧР, ЛГР, ЛСГ) и выявляется на основе их противопоставления, а грамматическая семантика присуща словоформам и их объединению в составе категории.

Говоря о философской составляющей в методологии ЛГ, особо следует выделить такой методологический принцип, как разграничение и взаимосвязь понятий «*онтология*» и «*гносеология*». Диалектика, будучи направленной на выявление онтологической сущности объекта действительности, достигает этой цели посредством гносеологии, которая использует те или иные исследовательские методы и приемы. Так, слово с онтологической точки зрения всегда представляет собой единство лексического и грамматического значений. Еще А.А. Потебня отмечал, что вещественная и формальная стороны живут в сознании говорящего как неделимая единица. «Моменты вещественный и формальный различны для нас не тогда, когда говорим, а лишь тогда, когда делаем слово предметом наблюдения. На мышление грамматической формы, как бы она не была многосложна, затрачиваем так мало новой силы, кроме той, какая нужна для мышления лексического содержания, что содержание это и грамматическая форма составляют как бы один акт мысли, а не два или более, и живут в сознании говорящего как неделимая единица» [18, с. 27]. Поэтому мы, как и большинство лингвистов, считаем, что в слове «не даны две разные вещи, а дано сложное переплетение и взаимодействие разных аспектов семантики как единого явления языковой онтологии» [19, с. 5].

Онтологическая сущность и гносеологическая значимость в ЛГ наглядно проявляются в использовании понятия дефектности парадигмы. С онтологической точки зрения это понятие нерелевантно, ибо каждая лексема характеризуется тем набором грамматических форм, который соответствует ее содержанию и в этом смысле оказывается полным для его выражения. Лексема как языковой знак не может быть реализована частично, в неполном виде. Уникальность лексического

значения (конкретного и абстрактного) в том и состоит, что оно имеет только свойственный ему набор грамматических форм. Поэтому противопоставление лексем по признаку полноты / дефектности парадигмы имеет смысл лишь в гносеологическом аспекте, как способ выявления и описания абстрактной лексической семантики, присущей различного рода лексико-грамматическим объединениям слов (лексем).

Именно на этой основе, используя шифрующую роль парадигмы слова, в которой та или иная форма выступает в качестве семантического различительного признака, появляется возможность выявить и описать абстрактную лексическую семантику лексико-грамматических разрядов (см. описание лексико-грамматических разрядов существительного: [7]; лексико-грамматических разрядов русского глагола: [20]).

Однако, как показывают наши наблюдения и исследования, выполненные под нашим научным руководством, шифрующая функция языка не ограничивается только грамматикой. Шифрующую роль играют и неграмматические формы слова, которые выделяются нами в теории форм слова (лексем).

На наш взгляд, можно выделить следующие виды (типы) *деривационных процессов*, направленных на образование различных форм реализации лексического значения в коммуникативном процессе, когда сохраняется тождество лексического значения в качестве базового (ядерного) компонента семантической структуры слова. В рамках общего процесса формообразования выделяются грамматическое и неграмматическое формообразование, которое противопоставлено лексемообразованию. В системе грамматического формообразования выделяются морфологическое и синтаксическое формообразование, представленное словоизменением и трансформацией. В системе неграмматического формообразования выделяются словообразовательное формообразование (способы глагольного действия, способы представления субстанции, признака), коннотативное формообразование и стилистическое формообразование.

Мы считаем, что, наряду с грамматическим варьированием, логично выделение семантических форм, которые являются ре-

зультатом лексико-семантического варьирования, представленного коннотацией. Здесь также сохраняется тождество лексического значения, того значения, которое является ядерным, обязательным компонентом в семантической структуре слова, а изменения касаются неядерной части слова, компоненты которой оформляют, наряду с грамматической, лексическое (собственно знаковое) содержание слова. В функциональном отношении коннотация, представленная экспрессивным, эмотивным и оценочным значениями, «обслуживает» лексическое значение с целью передачи информации через «чувство – отношение» говорящего к обозначаемой действительности. Противопоставление лексического и коннотативного значений обусловлено их различной природой в структуре знания, как и в случае с противопоставлением лексического и грамматического значений.

Как показали результаты исследования И.Н. Пахомовой, существительные представляют собой продуктивные в плане образования коннотативных форм семантические классы лексем, но при этом характеризуются различной степенью полноты коннотативных парадигм, что связано с совместимостью или несовместимостью значений тех или иных коннотативных форм с лексическим значением существительного, от которого они образованы. Коннотативные парадигмы, в целом, образуются совокупностью частных коннотативных парадигм, которые представлены экспрессивным, эмоциональным, оценочным, экспрессивно-эмоциональным, экспрессивно-оценочным, эмоционально-оценочным коннотативными компонентами. В русском языке на материале существительных было выявлено и описано 27 моделей с различным составом коннотативных форм, имеющих то или иное коннотативное значение.

Максимальный состав коннотативных компонентов имеют идеографические классы, связанные с концептом (понятием) «живое существо», «растения», «оценка» и т. д. Минимальный состав коннотативных компонентов представлен в идеографических классах, связанных с понятием «техника», «производство», «образование» и т. д. Не реализуют тех или иных коннотативных компонентов идеографические классы существительных, отражающие понятия «наука» и «сверхъестественное», что обусловлено от-

существом коммуникативных потребностей человека в плане их оценки с его объективной точки зрения [21].

Вследствие этого коннотация может рассматриваться как один из способов выражения лексической семантики слова и ее оформления, т. е. коннотация выступает в качестве семантического «шифра» абстрактной лексической семантики, отражающей внутренний мир человека.

Языковое пространство одной лексемы, представленное варьированием ее форм, включает, на наш взгляд, и стилистически маркированные образования, которые содержательно можно определить как формы, несущие «информацию об уместности, допустимости, оптимальности слова в определенных условиях общения, о его «привязанности» определенному функциональному стилю» [22, с. 187]. Данная содержательность, прежде всего, характеризуется связью со «сферами общения». Наиболее коммуникативно значимые сферы общения оказываются маркированными теми или иными языковыми средствами. В этом случае слово оказывается стилистически окрашенным, стилистически маркированным (ср.: *лиса* – *лисица* (кн.); *тетрадь* – *тетрадка* (разг.); *прочитать* – *прочесть* (разг.)). Как показали результаты исследования М.В. Пуговкиной, отношение существительных со значением «Название лиц» к составу стилистической парадигмы, представленной теми или иными стилистическими формами слова, также демонстрирует различную степень связи полноты / дефектности данной парадигмы в аспекте коммуникативной востребованности существительного с тем или иным лексическим значением [23].

Что же касается формообразовательных категорий способов глагольного действия (СГД) или способов представления субстанции (СПС), которые мы относим к категориям модификационного типа, то они, на наш взгляд, шифруют абстрактную лексическую семантику, отражающие динамические процессы в протекании процесса или в восприятии субстанции. Это проявляется в способности того или иного способа действия указывать на частный характер протекания действия по отношению к общему, исходному представлению протекания действия, которое характеризует действие как таковое, вне

какого-либо конкретного проявления во времени, количества, специального результата.

То же самое, по существу, представляют мотивационные отношения и в СПС существительного, когда субстанция (предмет) оказывается вовлеченной в восприятие ее со стороны каких-то частных количественных характеристик, которые сохраняют с существительным, называющим предмет как таковой, денотативно-понятийную общность, но вносят «дополнительные смысловые оттенки» (ср.: *лист* – *листва*, *листок*, *листик*; *изюм* – *изюмина*, *изюминка*).

Итак, расширенное понимание форм слова не нарушает основного критерия в выделении форм слова, ибо выделение неграмматических форм слова (словообразовательных, коннотативных, стилистических) основывается именно на тождестве лексического значения, только лексическое значение понимается как ядерное, обязательное, собственно знаковое содержание. В случае же с неграмматическими формами мы имеем значения, которые хотя и рассматриваются традиционно в составе лексической основы слова, но при этом не являются обязательными семантическими компонентами в структуре слова: они факультативны. Их наличие в парадигме лексемы определяется ее лексическим значением в узком смысле. Лексема будет иметь только тот набор неграмматических форм и, естественно, грамматических форм, который соответствует тому или иному лексическому значению, не противоречит ему.

В результате наличие или отсутствие этих форм в составе той или парадигмы оказывается, по существу, тем же семантическим шифром, каким является грамматика в отношениях с лексической семантикой.

Итак, на наш взгляд, идея о шифрующей роли грамматики не ограничивается только взаимодействием лексики и грамматики, хотя, вероятно, наиболее ярко и полно представлена именно в этой области языкознания в связи с системным и обязательным характером грамматики как концептуальной структуры слова, о чем свидетельствуют результаты исследований В.Г. Руделёва, в трудах которого эта идея первоначально была высказана как гипотеза, а на сегодняшнем этапе развития русистики получила не толь-

ко подтверждение, но и развитие за пределами грамматики.

Список литературы

1. Руделёв В.Г. Типы и виды грамматик. Существуют ли грамматики, не являющиеся семантическим шифром? // Семасиология и грамматика. Тамбов, 1977. С. 11-15.
2. Руделёв В.Г. Существительное в русском языке. Тамбов, 1979.
3. Руделёв В.Г. Динамическая теория частей речи русского языка // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 1996. Вып. 1. С. 83-89.
4. Руделёв В.Г., Шарандин А.Л. Шифрующая роль глагольных грамматических категорий // Теория содержательной формы. Тамбов, 1981. С. 32-53.
5. Руделёв В.Г., Шарандин А.Л. Шифрующая роль глагольных грамматических категорий (Нейтрализации в пределах глагольной лексемы. Категории императивности и времени) // Деривация и полисемия. Тамбов, 1984. С. 7-23.
6. Шарандин А.Л. Слово в аспекте знаковой теории языка // Слово и предложение: исследования по русскому языку и методике преподавания. СПб., 2007. С. 9-19.
7. Шарандин А.Л. Курс лекций по лексической грамматике русского языка. Тамбов, 2001.
8. Шарандин А.Л. Системная категоризация русского глагола. Тамбов, 2001.
9. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М., 1972.
10. Руделёв В.Г., Цыпин О.А. Заметки о грамматическом значении слова (на материале русского языка) // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2009. Вып. 3 (71). С. 159-167.
11. Современный русский язык. М., 1980.
12. Кошечкина И.Г., Дубовский Ю.А. Сравнительная типология английского и русского языков. Мн., 1980.
13. Поспелов Н.С. Мысли о русской грамматике. М., 1990.
14. Савченко А.Н. Части речи и категории мышления // Язык и мышление. М., 1967.
15. Шелякин М.А. Морфология современного русского языка. Тарту, 1989.
16. ФЭС: Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
17. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
18. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 1-2. М., 1958.
19. Бондарко А.В. Исследования в области грамматической семасиологии: Проблемы и ре-

зультаты // Семасиология и грамматика. Тамбов, 1977.

20. Шарандин А.Л. Русский глагол: Комплексное описание. Тамбов, 2009.
21. Пахомова И.Н. Коннотация и лексическая семантика слова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2009.
22. Шмелев Д.Н. Современный русский язык: Лексика. М., 1977.
23. Пуговкина М.В. Стилистические парадигмы существительных (на материале семантических групп со значением «Названия лиц»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2006.

References

1. Rudelev V.G. Tipy i vidy grammatik. Sushchestvuyut li grammatiki, ne yavlyayushchiesya semanticheskim shifrom? *Semasiologiya i grammatika*. Tambov, 1977, pp. 11-15. (In Russian).
2. Rudelev V.G. *Sushchestvitel'noe v russkom yazyke*. Tambov, 1979. (In Russian).
3. Rudelev V.G. Dinamicheskaya teoriya chastei rechi russkogo yazyka. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 1996, no. 1, pp. 83-89. (In Russian).
4. Rudelev V.G., Sharandin A.L. Shifruyushchaya rol' glagol'nykh grammaticheskikh kategoriy. *Teoriya soderzhatel'noy formy*. Tambov, 1981, pp. 32-53. (In Russian).
5. Rudelev V.G., Sharandin A.L. Shifruyushchaya rol' glagol'nykh grammaticheskikh kategoriy (Neytralizatsii v predelakh glagol'noy leksemy. Kategorii imperativnosti i vremeni). *Derivatsiya i polisemiya*. Tambov, 1984, pp. 7-23. (In Russian).
6. Sharandin A.L. Slovo v aspekte znakovoy teorii yazyka. *Slovo i predlozhenie: issledovaniya po russkomu yazyku i metodike prepodavaniya*. St. Petersburg, 2007, pp. 9-19. (In Russian).
7. Sharandin A.L. *Kurs lektsiy po leksicheskoy grammatike russkogo yazyka*. Tambov, 2001. (In Russian).
8. Sharandin A.L. *Sistemnaya kategorizatsiya russkogo glagola*. Tambov, 2001. (In Russian).
9. Vinogradov V.V. *Russkiy yazyk: Grammaticheskoe uchenie o slove*. Moscow, 1972. (In Russian).
10. Rudelev V.G., Tsypin O.A. Zametki o grammaticheskom znachenii slova (na materiale russkogo yazyka). *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2009, no. 3 (71), pp. 159-167. (In Russian).
11. *Sovremennyy russkiy yazyk*. Moscow, 1980. (In Russian).

12. Koshevaya I.G., Dubovskiy Yu.A. *Sravnitel'naya tipologiya angliyskogo i russkogo yazykov*. Minsk, 1980. (In Russian).
13. Pospelov N.S. *Mysli o russkoy grammatike*. Moscow, 1990. (In Russian).
14. Savchenko A.N. Chasti rechi i kategorii myshleniya. *Yazyk i myshlenie*. Moscow, 1967. (In Russian).
15. Shelyakin M.A. *Morfologiya sovremennogo russkogo yazyka*. Tartu, 1989. (In Russian).
16. FES: *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'*. Moscow, 1983. (In Russian).
17. Katsnel'son S.D. *Tipologiya yazyka i rechevoe myshlenie*. Leningrad, 1972. (In Russian).
18. Potebnya A.A. *Iz zapisok po russkoy grammatike. T. 1-2*. Moscow, 1958. (In Russian).
19. Bondarko A.V. Issledovaniya v oblasti grammatischeskoy semasiologii: Problemy i rezul'taty. *Semasiologiya i grammatika*. Tambov, 1977. (In Russian).
20. Sharandin A.L. *Russkiy glagol: Kompleksnoe opisanie*. Tambov, 2009. (In Russian).
21. Pakhomova I.N. *Konnotatsiya i leksicheskaya semantika slova*. Avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk. Tambov, 2009. (In Russian).
22. Shmelev D.N. *Sovremennyy russkiy yazyk: Leksika*. Moscow, 1977. (In Russian).
23. Pugovkina M.V. *Stilisticheskie paradigmy sushchestvitel'nykh (na materiale semanticheskikh grupp so znacheniem "Nazvaniya lits")*. Avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk. Tambov, 2006. (In Russian).

Поступила в редакцию 29.01.2016 г.
Received 29 January 2016

UDC 81'36

THE IDEA OF CIPHER ROLE OF GRAMMAR AND PROSPECTS OF ITS DEVELOPMENT

Anatoliy Leonidovich SHARANDIN, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian Philology and Journalism Department, e-mail: sharandin@list.ru

The idea of cipher role of grammar is analyzed. It is presented in the works of professor V.G. Rudelev and was developed in lexical grammar theory by A.L. Sharandin. The relevance and significance of this idea is defined by connection with central problem of linguistics – problem of interaction of lexis and grammar. Grammar is considered as cipher of the conveyed lexical semantics. The oppositive method used by V.G. Rudelev in the tradition of phonological ideas of N.S. Trubetskoy let systematize the parts of speech as dynamic. In theory of lexical grammar the interaction of lexis and grammar is presented as development of V.G. Rudelev idea about cipher role of grammar in its realization over the borders of grammar. Hypothesizing that grammar ciphers lexical semantics it is proved that the presence of word may be considered as semantic cipher, by which the essence of conceptualization is revealed and categorization of reality by person. The idea of cipher role of grammar is not limited by lexis and grammar interaction. But it is mostly presented in this sphere of linguistics with system and compulsory nature of grammar as conceptual structure of word.

Key words: lexis; grammar; interaction; parts of speech; word forms.